

Владимир Царицын ОПЕРАЦИЯ «ЗМИЙ»

Книга 1 цикла
«Покойники иногда воскресают»

@ЭЛИТА

18+

Покойники иногда воскресают

Владимир Царицын

Операция «Змий»

Электронное издательство "Аэлита"

2012

Царицын В.

Операция «Змий» / В. Царицын — Электронное издательство "Аэлита", 2012 — (Покойники иногда воскресают)

Первая книга шпионского цикла «Покойники иногда воскресают». Действие повестей цикла происходит в основном на территории вымышленных государств. Время действия – середина текущего столетия, т. е. не слишком отдалённое будущее. Герои шпионского цикла – сотрудники спецслужбы, носящей название Федерального Агентства Эффективных Технологий (ФАЭТ). Цикл состоит из трёх книг, объединённых одними героями. В каждой книге описывается отдельная операция ФАЭТ. В первой повести, носящей название «Операция Змий», герои романа противостоят злому гению, вознамерившемуся создать армию клонов для покорения мира. Руководство ФАЭТ подозревая, что в числе сотрудников агентства имеется предатель, формирует группу спецагентов некогда выведенных из реестров конторы в связи с мнимой смертью. Гриф операции: совершенно секретно. В состав группы входят: Зиновий Черемных (оперативный позывной Зинка), Дантист, Скиф, Герцогиня и Аристократ. Все агенты побывали в спецкомандировке в азиатском государстве Джамалтар, откуда собственно и ведут следы к Иогану Штольцу – учёному-генетику, – который на одном из островов Тихого океана производит гомункулов. Свежеиспечённые клоны проходят военную спецподготовку на островах Илийского архипелага, во владениях тамошнего правителя принца Гуарама – каннибала и самодура. Спецагенты по подготовленным легендам попадают на остров. Дантист становится ассистентом Штольца и принимает непосредственное участие в создании клонов. Скиф – инструктором по рукопашному бою (готовит клонов). Аристократ обеспечивает жизнедеятельность контингента острова, а Герцогиня забирается Штольцу в постель. (Увы, таковы реалии...). Зинка издалека (Филиппины) руководит действиями группы. Цель операции – сбор компромата против Штольца и его приятеля из Джамалтара – диктатора Басмангалея и подтверждение источников финансирования. С приятелями происходят разного рода приключения. В романе имеются описания

поединков и драк. Но не из одного лишь мордобоя состоит жизнь разведчика.
В ней есть место и для любви...

© Царицын В., 2012
© Электронное издательство
"Аэлита", 2012

Содержание

Глава 1. Скиф	7
Глава 2. Дантист	12
Глава 3. Зинка	18
Глава 4. Совещание «покойников»	21
Глава 5. «Соотечественники»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Владимир Царицын

Операция «Змий»

© ЭИ «@элита» 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1. Скиф

Неясная тревога резко вытолкнула Скифа из глубины сна на поверхность реальности.

Уроки своего первого инструктора специальный агент Скиф запомнил накрепко, что очень помогло ему в дальнейшей работе в ФАЭТе – Федеральном Агентстве Эффективных Технологий. «Запомни, Скиф, – учил инструктор, – сначала слух, затем мысленное тестирование рук, ног, всего тела, и только потом, если решишь, что всё в порядке, можешь слегка приоткрыть веки. И старайся, чтобы они не дрожали» «А мозг, разве он не должен проснуться первым?» «Мозг должен работать всегда, даже если тебе кажется, что ты уже умер».

Сквозь приоткрытые веки Скиф разглядел в полумраке небольшой квартирки-студии человека, сидящего в кресле у высокого торшера. Он не сделал ни малейшего движения, не изменил частоты дыхания, однако непрощенный гость уловил момент его пробуждения.

– Стареешь, Скиф.

«Не может быть!.. И, тем не менее, это его голос...»

– Ну, будет тебе.

– Зинка?!..

Гость щелкнул выключателем торшера, и мягкий розовый свет заполнил небольшую комнату, позволив Скифу увидеть абсолютно незапоминающиеся, но такие знакомые черты друга. Округлое лицо, серые равнодушные (абсолютно обманчивое впечатление!) широко поставленные глаза, тонкие губы со слегка приподнятыми уголками, белёсые брови, маленькие уши, плотно прижатые к лобастому крепкому черепу.

Зиновий Черемных собственной персоной, живой и невредимый.

– Кого же я тогда видел в гробу в Джамалтаре два года назад?..

– Муляж.

– Умеют делать...

– Дорого, но убедительно, правда?

– Воняло от этого муляжа, как от самого настоящего трупа.

– Внутри лежал кусок тухлого мяса, губка, пропитанная кровью... там много всякой дряни лежало. Для пущего правдоподобия, так сказать.

Скиф встал и подошёл к Зинке. Друзья крепко обнялись.

...Скиф стоял у цинкового гроба, в котором лежал его мёртвый друг. Не в первый раз он прощался с друзьями, отдавшими жизни за родину. Но Зинка был не просто другом: он был лучшим другом, почти братом, старшим братом. Со смертью Зинки что-то большое и главное исчезло из жизни Скифа, из его сознания. Вакуум был обязан чем-то заполниться, и он заполнился. Злостью. На Джамалтар, на Басмангалея, на отважных, темников, холуёв и прочую местную сволочь.

Стояла обычная жара, а кондиционеры в посольстве не работали (снова «лиловые» взорвали подстанцию). Зинкин труп начинал разлагаться. Воняло неимоверно.

Скиф впервые видел Зинку в мундире с новенькими майорскими погонами на плечах. В первый и в последний раз...

– Группа закончила миссию. Завтра улетаем, – услышал Скиф глухой голос Лиса. – Утром в шесть тридцать все должны быть на военном аэродроме.

– А что так поспешно? – спецгент не скрыл иронии.

Лис промолчал.

– Зинку увозим мы?

– Нет, – качнул головой Лис, – его увезут сегодня спецрейсом.

Два молодых солдата подняли тяжёлую крышку гроба. Аппарат для пайки цинка стоял рядом.

– Будь на связи, Скиф: возможно у меня к тебе появятся кое-какие вопросы.

Скиф в последний раз посмотрел на мёртвое Зинкино лицо, и, не отвечая, вышел.

Причина столь поспешного вылета была ему совершенно непонятна.

Почему именно сейчас, когда атмосфера в Джамалтаре накалена до предела?.. Сегодня ночью бригада «лиловых» должна штурмовать дворец Басмангалея. О предстоящем штурме знали немногие посольские. Знал Лис, но совершенно не догадывался, что и Скиф в курсе дела, эта информация проходила под грифом – 0000.

Скиф узнал о штурме из совершенно иного источника. Сегодня утром к нему лично обратился командир бригады «лиловых» Шантагар, и, поставив условие соблюдения тайны, попросил о помощи. Никто лучше Скифа, бывшего личного фортификатора Басмангалея, не ориентировался в многочисленных лабиринтах, закоулках и потайных комнатах дворца диктатора...

Перед штурмом, склонившись над планом резиденции, Скиф и Шантагар ещё раз обсудили тактические моменты захвата: пути проникновения во дворец, варианты ликвидации внутренних и внешних постов, очередность действий отделений и звеньев бригады. Скиф параллельно разрабатывал свой личный план.

После обсуждения Шантагар ушёл к своим отдавать последние распоряжения, а Скиф, оставшись один, активировал наушник. Почти сразу в наушнике раздался голос Лиса:

– Скиф, где ты?.. Почему не отвечаешь?!..

– Да здесь я, в Джандже, где я ещё могу быть! – сказал Скиф излишне резко, сам это понял и добавил мягче: – Я помню, помню – завтра, в шесть тридцать вылет.

– Это хорошо, что помнишь... Чем ты сейчас занят?

– Да так...

Видимо Лис заподозрил неладное. А может, донесли...

– Темнишь, Скиф. Колись, что задумал?

– А что тут думать! Лёгкого местного винца бутылочку приглублю, да баиньки. Завтра ведь вставать рано... – Скиф притворно зевнул, не особо стараясь, чтобы его сонливость выглядела убедительно.

– Так, слушай приказ: вино отставить, выпьешь на родине – и не местной кислятины, а нормальной русской водки. А сейчас срочно ко мне! – Лис уже не сомневался, что спецгент Скиф замыслил что-то из ряда вон выходящее.

– Шеф, я срочно не могу, – «включил дурачка» Скиф. – Если честно, я в каком-то борделе на другом конце города. И уже выпивши... За руль не сяду, а такси сейчас в Джандже не ходят. Время беспокойное, боятся...

– Скиф!! – заорал Лис, долбанув спецгента децибелами по барабанным перепонкам. – Я приказываю!

– Есть, сэр! – ёрнически рявкнул в ответ Скиф. – Уже еду! Тут у хозяина борделя ишак нашёлся, так я на нём. Скоро буду! – он отключил наушник и стал готовиться к операции. Штурм должен был начаться через несколько минут.

Неожиданностей не произошло – внешняя охрана была снята без шума, стрельба началась уже во внутренних покоях дворца, да и то по глупости одного из «лиловых». Эти аборигены – псих на психе, все курят «дрянь» поголовно. А чего не курить, если она тут кругом – как полынь, как осока, как кашка с клевером. Вернее, не как, а вместо.

Реализуя свой личный план, Скиф оторвался от авангарда нападающих, и, нырнув за гобелен, скрывающий тайный ход, первым пробрался в покои Басмангалея. Личная охрана диктатора была готова к выполнению главной задачи – героически умереть в бою, защищая своего господина, и... прямоиком к Аллаху – за всякими благами для себя и родных.

Естественно, именно это с ними и случилось. Скиф появился сзади – оттуда, где его никто не предполагал увидеть. Схватка длилась секунд двадцать, и как результат – шесть трупов, в неестественных позах расположившихся на толстом персидском ковре. Путь в покои диктатора был свободен, как на благотворительный концерт заезжей самодеятельности общества слепых и слабовидящих.

Басмангаей был полностью одет (поговаривали, что он всегда спит в одежде, опасаясь... ну, понятно чего). Дико вытаращив глаза, диктатор с ужасом глядел на медленно приближающегося Скифа, и, когда тот схватил его левой рукой за горло, занеся правую для смертельного удара, глаза Басмангаея сошлись на переносице, изо рта потекла жёлтая слюна.

В наушнике раздался взволнованный голос Лиса (видимо, во время драки с телохранителями Скиф нечаянно активировал его):

– Скиф, ответь мне, если слышишь! Скиф!

– Слышу превосходно, шеф, – ответил Скиф, не отрывая взгляда от наполненных ужасом, налитых кровью глаз Басмангаея. – Я уже на подходе. Ишак попался какой-то... вонючий. Но дело не в этом – старый больно скакун, быстро скакать не может.

– Скиф, я знаю, где ты! – Голос Лиса срывался на истерику. – Басмангаей жив?

– Ты живой, сукин сын? – Скиф насмешливо спросил у Басмангаея и так же насмешливо ответил Лису: – Пока жив, но, думаю, это временное явление.

– Не делай этого! Ты слышишь меня, Скиф?! Казнить или миловать – это внутреннее дело Джамалтара, – завопил Лис. – Оставь Басмангаея в живых. Это приказ!

– Да пошёл ты!.. – грубо ответил Скиф, и пальцы его правой руки сжались в жёсткую смертельную щепоть.

– Остановись, Скиф! – прозвучал голос откуда-то сбоку. Скиф скосил глаза и увидел стоящего в дверном проёме Дантиста. Дантист качал головой. – Не нужно его убивать. Я тоже любил Зинку, но мы – не убийцы. Мы солдаты, Скиф.

Скиф взглянул на Басмангаея: тёмная, почти коричневая кожа его лица приобрела серый неживой оттенок, глаза закатились под надбровные дуги, жёлтая слюна залила всю кожаную перчатку Скифа – диктатор, похоже, уже беседовал с Аллахом.

Скиф разжал пальцы, сжимающие ворот парчового халата, и Басмангаей тряпичной куклой свалился к его ногам. Воняло действительно жутко, наверное, Басмангаей обделался.

Покои стали заполняться штурмовиками.

– Он жив? – теперь вопрос прозвучал из уст ворвавшегося первым Шантагара.

– Жив пока, – усмехнулся Скиф, вытерев перчатку о шёлковую обивку стены и отключив надоевший скулёрж Лиса, – но, сдаётся мне, уже разлагается.

Растолкав плечами столпившихся в дверном проёме «лиловых», он, не оглядываясь, вышел из покоев.

Этой ночью Скиф напился так, как никогда не напивался...

– На задании? – спросил Скиф.

– Да. И ты, между прочим, тоже.

– Вот как?.. И ты уполномочен...

Зинка достал из кармана и вложил в руку товарища какую-то вещичку. Скиф разжал кулак, уже зная, что увидит. На ладони лежал медальон из жёлтого металла, без гравировки, с маленьким зелёным камешком по центру. Не золото и не изумруд – Скиф и это знал, впрочем, оно видно и невооружённым взглядом.

Медальон легко раскрылся. Внутри была вставлена фотография белокурой кудрявой девочки, сильно похожей на некоего Володю Ульянова в нежном возрасте – каким тот изображался на значках, называющихся октябрятскими звёздочками и пользующихся особой популярностью примерно полвека назад, и которые сейчас можно было сыскать только у фалери-

стов. Вполне возможно, на фото и был сам Володя Ульянов: кто сейчас мог бы с точностью сказать? Разве что историки, да те же самые фалеристы.

«Жизнь идёт, а традиции в нашем ведомстве не меняются» – с усмешкой подумал спецгент ФАЭТ, вновь мобилизованный на службу. Медальон был паролем и указанием к тому, что вынужденное безделье закончилось. Любой человек, передавший медальон, наделялся определёнными полномочиями и являлся для получившего руководителем в предстоящем задании.

– Кто ещё в группе? – поинтересовался Скиф.

– Герцогиня с Аристократом и Дантист.

– Все после... отпуска?

– Только Дантист. Герцогиня в теме уже год. Аристократ подключился относительно недавно. А я в задании с самого начала, чуть больше двух лет.

– Сразу после Джамалтара? – удивился Скиф, сопоставив сроки.

– Нет, – ответил Зинка, – ещё будучи там.

– Значит, когда я лицезрел твой хладный смердящий «труп» в цинке, ты уже начинал новое задание, – не спросил, а констатировал Скиф.

– К разработке наших новых легенд приступили в то время, когда ты вместе с «лиловыми» штурмовал дворец диктатора. Просто время реализации нового задания наступило только сейчас.

– Где будем работать? – помолчав, спросил Скиф.

– Далеко. Все подробности в воскресенье, в восемнадцать ноль-ноль, в столице нашей родины, городе Москве. Запомни адрес, – (Зинка назвал улицу, номер дома и номер конспиративной квартиры). – Времени у тебя достаточно. Легенду закрой в ноль.

– Понятно... Ну, расскажи что-нибудь. Как дела в конторе?

– Нормально, – Зинка неопределённо пожал плечами.

– Как поживает наш дорогой Лис?

– Лис нынче большой начальник, руководит всем ближневосточным сектором.

Скиф слегка подрегулировал жалюзи, пуская в комнату утренний свет, и выключил торшер. Потом открыл бар и достал бутылку «Джонни Уокера». Вопросительно посмотрел на Зинку. Тот отрицательно мотнул головой.

– Пять тридцать две, – Зинка продемонстрировал коллеге своё запястье с часами.

– Ну и что? – Скиф пожал плечами.

– Да, расслабился ты, дружище, – улыбнулся Зиновий. – Придётся подтягивать...

– Не хочешь виски, тогда кофейку сваргань, – Скиф кивнул на кухонный уголок, – а я пока душ приму.

В ванной комнате Скиф подошёл к раковине, открыл кран и внимательно всмотрелся в отражение в зеркале. Скуластое смуглое лицо с чуть раскосыми глазами, в которых европейцу ни за что не удастся разглядеть ни тревоги, ни негодования, ни каких-либо других эмоций. Но сам Скиф заметил в них лёгкую тень растерянности и недовольства собой. Да, расслабился... По поводу виски он, конечно же, пошутил, и Зинка шутку понял, не мог не понять... Но вот как он проспал Зинкино проникновение? Конечно, Зиновий профессионал, «лучший из лучших», элита ФАЭТ. Но он-то, Скиф, всегда был круче. Совсем чуть-чуть, но круче. А коэффициент удачливости у Скифа всегда был самым высоким. Сегодня удача от него отвернулась. Если бы проник не Зинка, а какой-нибудь чистильщик с определённой целью то он, Скиф, был бы уже трупом. Если бы...

В комнате витал аромат кофе. Зинка исчез так же незаметно, как и появился. Впрочем, спецгент Скиф был абсолютно уверен, что, вернувшись из ванной комнаты, он товарища не застанет. Зачем оставаться, Зинка сказал всё, что должен был... На журнальном столике, прижатая с краю бутылкой «Джонни Уокера», лежала мультифора с документами. Скиф убрал виски в бар, вытряхнул содержимое мультифоры на стеклянную столешницу.

Так, что там подготовили конторские спецы...

Паспорт и водительское удостоверение на имя гражданина Сингапура Афиногена Пака. Скиф ухмыльнулся – примесь азиатской крови, придавшая его облику не конкретные, но достаточно характерные черты, позволяла использовать при составлении для него легенды практически любую восточную национальность.

Сертификат о присвоении Афиногену Паку седьмого дана каратэ в стиле кекушин, диплом победителя соревнований по кун-фу, весь в китайских иероглифах. Седьмой, так седьмой, пожал плечами Скиф, кун-фу, так кун-фу.

А это что?.. Брелок гладиатора с секретом (ясно, что за секрет), какая-то справка (Скиф даже не стал её изучать, успеется – времени в самолёте будет более чем достаточно).

А вот и авиабилет до Домодедово на то же имя...

Кофе был невкусным, Зинка никогда не умел его заваривать, так и не научился за двенадцать месяцев, проведенных в кофейной империи – Джамалтаре. Впрочем, кофе имел одно неоспоримое достоинство – был горячим. Прихлёбывая горьковатый напиток, Скиф мысленно прокручивал ситуацию.

Судя по тому, что назван адрес явки, его уже проверили. И это опять не в его, Скифа пользу: он не заметил проверки. Судя по тому, что он ещё жив, проверка ничего не выявила. То, что выявлять нечего, было известно только ему самому. Судя по тому, что оживили «покойников», задание будет не простое и крайне секретное. И явно не в Джамалтаре: Скиф часто смотрел политические передачи о событиях, там происходящих; из них он знал, что некоторые официальные и просто легальные особы, с которыми им с Зинкой довелось встречаться, были ещё у дел, а стало быть, могли их опознать.

Закреть легенду в ноль означало, что за оставшиеся неполных четверо суток Скиф должен уволиться с работы, продать квартиру, сняться со всех гражданских и прочих учётов и выехать... допустим, в Зажопинск. Преуспевающий риэлтер Бакен Кожанов, тридцати двух лет отроду, законопослушный и лояльный к законной власти гражданин России, казах по национальности до Зажопинска не доедет.

Глава 2. Дантист

Дантист пришёл на встречу за десять минут до назначенного срока и удобно устроился у барной стойки в пол-оборота к входной двери.

Они увидели друг друга одновременно. Зиновий отметил, что выдержка у Дантиста осталась прежней: на лице не дрогнул ни единый мускул, грустное выражение больших серых глаз не изменилось. А ведь Дантист точно так же, как и облажавшийся Скиф, числил его в погибших, и такая встреча для обычного человека могла бы стать шоком.

Внешне Дантист тоже мало изменился – та же прямая осанка, худощавая тонкокостная фигура, копна пепельных волос, практически закрывающая высокий лоб, тонкие черты лица. Двухнедельная щетина ещё не стала бородой, но была тщательно подбрита в нужных местах. Длинные пальцы плотно обхватывали пузатый бокал с янтарной жидкостью.

Зиновий прошёл по узкому проходу между двумя рядами пластиковых столиков к противоположной стороне стойки и попросил стакан воды без газа. Пока бармен выполнял заказ, Зинка скучающим взглядом окинул полупустой зал. Две влюблённые парочки (одна явно ссорилась, зато у второй отношения видимо только завязывались, и до ссор им было ещё далеко); толстый старик с кружкой пива и газетой (кружка в руке, газета на столике); ещё один любитель пива неряшливого вида (нос – как перезревшая ягода клубники, шея замотана шерстяным шарфом, волосики вокруг лысины стоят дыбом, очень смахивает на французского фригана) – вот и все посетители бара, не считая Дантиста.

Зинка достал из кармана коричневый аптекарский пузырёк, отвинтив крышку, выкатил на ладонь таблетку, проглотил её и запил полученной от бармена водой. Тут же рассчитался и вышел. Дантист выждал положенные четыре минуты, положил на стойку купюру и не спеша последовал за Зиновием.

Старенькая неопределённого цвета «лада» стояла на противоположной стороне улицы. Окна машины были некачественно затонированы, сидящего в машине разглядеть было невозможно, но Дантист безошибочно определил, куда ему идти. Едва он забрался на сидение рядом с водителем, машина тронулась.

– Я рад, что ты жив, – в голосе молодого мужчины звучала истинная радость.

– Слухи о моей смерти, как говорится, сильно преувеличены, – в мажорном тоне отозвался Зинка. – Я полон сил и энергии. Ты, я вижу тоже в форме. Так что... работаем. – Он достал из внутреннего кармана медальон и передал Дантисту.

Дантист раскрыл медальон, кивнул. Зинка включил музыку – какой-то мужчина-певец фальшиво и нудно что-то изображал фальцетом, женщина вторила ему более приятным голосом, но тоже иной раз фальшивила. Дантист поморщился:

– Неужели нельзя было на компьютере подработать!.. А у тебя случайно нет... ну, скажем, второго концерта Чайковского?

– Нет.

– А Ванессы Мэй?

– И Ванессы нет.

– Но хоть что-то у тебя нормальное есть?

– Достал! – Зинка серьёзно посмотрел на Дантиста. – Нет у меня ничего нормального – одна попса. Бери, что дают.

Дантист изобразил на лице обиду:

– Тогда выключи эту галиматью. Пусть лучше радио работает.

– Как скажешь... – Зинка потянулся к магнитоле.

– А всё-таки классно мы поработали в Джамалтаре, – вдруг ни с того ни с сего сказал Дантист, – даже несмотря на то, что, в конце концов, обделались!

– Обделались, как всегда, политики, – возразил Зинка, и, здорово скопировав вкрадчивый голос президента, произнёс: – «Изменилась политическая ситуация. Мы обязаны быть гибкими в вопросах, касающихся наших интересов на Востоке...»

Дантист стоял перед Лисом и с задумчивой заинтересованностью иридодиагноста смотрел в его прозрачные глаза, вернее, безуспешно пытался хоть что-то там разглядеть. Но холодные глаза резидента, словно чёрная дыра, поглощали всё, что попадало в сектор видимости, и не выпускали наружу ничего.

– Ты должен остановить его, – резидент нервно барабанил пальцами по столу. – Басмангалея должен остаться живым. Диктатора ждёт джамалтарский народный суд. И запомни... – он почему-то отвёл глаза в сторону, – это приказ.

– Да с чего вы взяли, что Скиф полез в чужой огород? Что ему, делать нечего!.. Мы же вроде как на дембель собираемся, надо пёрышки почистить, то-сё...

– Знаю я ваши пёрышки. И Скифа знаю, как облупленного. Кроме того, парень, ты забываешь о моих возможностях и связях. Мне доподлинно известно, что Скиф и Шантагар со своими боевиками с минуты на минуту начнут штурм резиденции диктатора... Короче, иди и сделай то, что тебе приказано – останови Скифа, иначе...

«И что будет иначе?» – внутренне усмехнувшись, подумал спецгент Дантист, но вслух попытался возразить резиденту: – Вы же сами только что сказали, что знаете Скифа, шеф. Этот парень как взведённая пружина. Если он, что называется, закусил удила, остановить его может только...

– Некогда рассуждать, – Лис не дал договорить подчинённому. – Иди, выполняй! Ты должен остановить Скифа любой ценой!

– Если я правильно вас понял, вы приказываете мне...

– Ты всё правильно понял, – прорычал Лис.

Дантист удивлённо посмотрел на резидента, пожал плечами, и, поправив лиловую чалму, неторопливо направился к двери. Ему вдогонку прозвучали слова Лиса:

– Поторопись! Штурм начнётся через несколько минут. И помни: любой ценой!

«Это один из тех приказов, которые не исполняют», – подумал Дантист и с силой захлопнул за собой дверь. Оказавшись снаружи, он сплюнул и зло произнёс:

– Да пошёл ты!..

Весь дворец был завален трупами отважных. Кое-где лиловели чалмы убитых штурмовиков. Изредка из глубины дворца доносились звуки коротких автоматных очередей. Предоставив «лиловым» без помех добывать врагов, Дантист быстро проследовал к личным покоям Басмангалея, торопясь застать диктатора в живых. Вообще-то ему была до лампочки жизнь азиатского царька, спецгента Дантиста волновала судьба товарища. Подобное своеволие Скифу не простилося бы...

С планом резиденции он был в общих чертах знаком, а где искать Скифа ему было совершенно понятно. У мощных дубовых дверей покоев Басмангалея лежали все шесть верных телохранителей-смертников, в своё время прошедших обучение в Шаолине. Древняя система ударов и блоков, преподанная джамалтарцам китайскими монахами, оказалась для Скифа слабой преградой, чем-то вроде искусства бального танца. Спецгент ФАЭТа Скиф обучался по другой системе – системе Моисеева...

Войдя в покои, Дантист увидел красочную картину: Скиф, на вытянутой руке держал тщедушного Басмангалея за горло, прижав к стене. Ноги диктатора, не достающие до паркета, мелко подёргивались: он был похож на мотылька, припиленного булавкой к доске натуралиста-исследователя. Кисть другой руки Скиф сложил в «голову змеи», намереваясь поразить врага ударом в сердце. При таком ударе железные напряжённые пальцы пробивают грудную клетку, как бумагу.

– Остановись, Скиф! – спокойно сказал Дантист, зная, что окрик только ускорит развязку. – Не нужно его убивать. Я тоже любил Зинку, но мы – не убийцы. Мы солдаты, Скиф.

Скиф скосил глаза на Дантиста, в них была злость и досада, словно Скифа оторвали от интересного и весьма важного дела.

Его товарищ медленно покачал головой, выражая неодобрение.

– Не надо, Скиф, – повторил Дантист, хотел сказать ещё что-то по поводу карьеры и дальнейшей работы в ФАЭТе, но передумал, посчитал любые слова лишними в данной ситуации.

Скиф снова вернулся взглядом к Басмангалю. Диктатор выглядел плохо, он уже был на половине пути к Аллаху. Скиф презрительно посмотрел в его рожу и разжал пальцы. Басмангалей кулём свалился к его ногам.

Покои стремительно заполнялись штурмовиками.

– Он жив? – Шантагар спросил, обращаясь не то к Скифу, не то к Дантисту. Смотрел, однако, на низверженного диктатора, лежащего у ног русского.

– Жив пока, – ответил Скиф, вытирая перчатку о шёлковую обивку стены, – но уже разлагается...

Растолкав плечами «лиловых», столпившихся в дверном проёме, Скиф, не оглядываясь, вышел из покоев. Дантист не стал наблюдать за тем, как Шантагар приводит в чувство Басмангалю; он вышел догонять Скифа, но того уже не было на дворцовой площади. За каменным забором громко зарычал пятилитровый движок «Хаммера»...

Утром на военном аэродроме Скиф не появился. Да и вообще из всей группы Дантист увидел одного лишь Лиса. То, что резидент кого-либо ждал, было совершенно непохоже. Все полчаса, оставшиеся до вылета, он крутился среди посольских, а, забираясь в самолёт, ни разу не оглянулся. Дантист проводил равнодушным взглядом тронувшийся с рулётной полосы «Дуглас» и отправился на поиски Скифа.

Он сменил лиловую чалму на обычную серую бандану, в каких ходили практически все местные представители мужской половины населения. Чёрную стёганую толстовку, надетую на голое тело и коричневые шаровары менять не стал – наряд для Джамалтара самый что ни есть обычный. Голова у Дантиста была обрита, борода выкрашена басмой, в глаза вставлены меняющие цвет радужки контактные линзы, поэтому в толпе он ничем особенным не выделялся.

Скифа не было ни на одной из конспиративных квартир. Не было его и в посольстве. Другие члены группы – Соловей и Аристократ – на связь не выходили. Тогда Дантист стал методично прочёсывать весь город. Нашёл он товарища только к вечеру следующего дня, в какой-то чайхане, на окраине Джанджа, в абсолютно неменяемом состоянии. Привести его в чувство обычными средствами не удалось, а применять что-то более действенное Дантист не стал. Решил просто дождаться, когда Скиф выпится и протрезвеет. Когда на следующее утро Скиф очухался, он увидел хмурое лицо друга и полуторалитровую кринку айрана.

– Пора делать ноги, герой, – сказал Дантист. – Скоро в этой стране начнётся «Большой Бардак». А точнее, уже начался...

Какой именно бардак начался в Джамалтаре, они узнали чуть позже, уже в России, из средств массовой информации...

События, последовавшие за штурмом дворца Басмангалю, выстроились в цепь нелогичных, даже можно сказать, неразумных поступков, совершенных Басманджаром, младшим братом диктатора, лидером политического движения «Лиловые чалмы». Басманджар и Басмангалю были родными братьями, а точнее – однояйцовыми близнецами. Старшинство Басмангалю определялось несколькими минутами, однако он всегда подчёркивал, что он – старший брат. В мусульманской стране это было не простой формальностью, а основополагающим фактором в отношениях внутри семьи. Несмотря на то, что Басмангалю и Басманджар являлись столь близкими родственниками, их чувства друг к другу никак нельзя было назвать родственными,

а уж тем более братскими. Они не любили друг друга, причём Басманджар просто не любил брата, а Басмангалей Басманджара ненавидел. Младшенький всегда был любимчиком родителей, старший же часто наказывался ими, и, надо сказать, небезосновательно – за дерзость и за непомерные амбиции; Басмангалей едва ли не с рождения стремился быть лидером, иногда – любой ценой. Братья получили разное образование: младший – экономическое; выучившись, он стал неплохим коммерсантом, старший избрал карьеру военного...

Басманджар возглавил движение «Лиловые чалмы» не благодаря своим политическим убеждениям (от политики он был далёк всегда), а просто так – случайно, взлетев на его вершину на протестной волне. Целью «лиловых» являлась ликвидация диктатора, возврат из ссылки Ташира, прежнего, любимого всем народом правителя, формирование нового кабинета министров, ориентирование экономики на север, и так далее, и тому подобное. Басманджаром же двигало лишь желание договориться с братом и совместно управлять Джамалтаром; он наивно полагал, что такой братский тандем возможен. Все прежние бескровные попытки договориться закончились ничем, но сейчас, когда он показал брату силу, думал Басманджар, тот будет сговорчивее. Поэтому Шантагар получил приказ сохранить диктатору жизнь и препроводить его в Буймар, родовой замок братьев. Басманджар не воспользовался победой, и, впоследствии, пострадал.

Едва оправившись от испуга и сменив замаранные шаровары на чистые, Басмангалей немедленно приступил к разработке очередного коварного плана. Он принял все условия младшего брата в обмен на свободу. Уже на следующее утро по государственному телеканалу он объявил народу Джамалтара, что полностью признает совершённые им ошибки и раскаивается в содеянном; он готов искупить вину плодотворной и самоотверженной работой на любом поприще, которое ему доверит народ. И народ (в лице его младшего брата, ставшего, до возвращения Ташира, главой временного правительства) доверил Басмангалю выполнять функции министра обороны. Растерянные или прямо сказать – ошарашенные люди немного помитинговали, чуть-чуть помародёрствовали, от души погромили неверных, и, успокоившись, разошлись по домам.

Басмангалей на все сто процентов реализовал подаренную братом свободу и возможности, предоставленные новой должностью. Он проинспектировал армию, назначив на ключевые посты верных ему людей, сформировал свой личный подпольный штаб, сплотил вокруг себя оставшихся в живых отважных и стал дожидаться возвращения Ташира, который не очень-то и торопился, проходя курс реабилитации после пластической операции в одной из клиник Европы.

Прибыл Ташир в Джамалтар в середине августа, а 24-го августа во дворце правительства состоялся грандиозный приём и ещё более грандиозный пир, который продолжался всю ночь и закончился кровавой резней. На пир были приглашены все известные в Джамалтаре, личности, и все они были убиты людьми Басмангалей, даже те, кто на коленях молил о пощаде и клялся Басмангалю в вечной преданности. Басмангалей собственной рукой перерезал глотки Таширу и своему брату Басманджару.

Эта ночь вошла в мировую историю, как «Вторая Варфоломеевская». Одновременно с резнёй во дворце, верные Басмангалю воинские части захватили все государственные учреждения. Произошёл второй басмангалеевский путч...

Сейчас, продираясь сквозь толпы митингующего народа, Скиф и Дантист не могли реально разобраться в политической ситуации. Кто-то кричал: «Да здравствует Ташир! Да здравствует Басманджар! Смерть диктатору!», кто-то – прямо противоположное: «Свободу Басмангалю! В зиндан бунтовщиков!».

Но один лозунг: «Бей неверных!», звучал чаще других. На одной улочке Дантист и Скиф стали свидетелями, как разъярённая толпа забивала камнями немолодую уже светловолосую

женщину. Скиф катал желваки на скулах, но с таким количеством противников даже ему было не справиться.

Первое, что бросилось в глаза, когда друзья подошли к посольству России – отсутствие охраны. Ворота были закрыты, но двери распахнуты. Внутри всё говорило о поспешном бегстве: мебель перевёрнута, канцелярские принадлежности разбросаны, вся оргтехника оставлена на месте. Бункер для измельчённой бумаги был забит доверху – вся секретная документация уничтожалась именно таким образом, а её, судя по всему, было немало. Не нужно было обходить все помещения, чтобы понять, что в здании посольства нет ни души.

– Ну, что? Это означает, что легальный вариант эвакуации отпадает, – хмуро произнёс утомлённый увиденным и пережитым за сегодняшний день, Дантист.

– Значит, пойдём через горы, – невозмутимо пожал плечами Скиф.

– Без снаряжения?

– Добудем.

Неожиданно между их головами просвистел сюржик и у входной двери раздался звук упавшего тела. Здоровенный бородатый темник конвульсивно бил ногами о мраморный пол и умирал, захлёбываясь собственной кровью, пузырящейся из открытого рта и фонтанчиками брызжащей сквозь пальцы, прижатые к рассечённому горлу.

– Нам пора уходить, господа. Скоро здесь будет много посетителей. Двери посольства, как вы могли заметить, открыты для всех желающих пожить на халяву.

Произнесший эти слова человек стоял у стены со спокойно опущенными вдоль тела руками; выглядел неизвестный более чем странно, просто нелепо. Камуфляжная форма на его сухом узкоплечем теле сидела совсем не по-военному – висела мешком; большой лысый череп был бледен до голубизны; глаза, спрятавшиеся за круглыми линзами очков, казались маленькими и невыразительными. Судя по толщине линз, человек был сильно близорук, что, впрочем, не мешало ему виртуозно владеть японскими метательными штуковинами.

Этот нелепый задохлик чем-то напоминал одного некогда популярного питерского клоуна. Дантист, разглядывая незнакомца, почему-то мучительно пытался вспомнить фамилию клоуна. Скиф, тоже выпучив глаза (если можно было так сформулировать удивлённый взгляд метиса) взирает на незнакомца.

– Я ждал вас, ребята, – заявил метатель звёздочек. – Разрешите представиться: полковник Васильев... Василий Васильевич.

«Мать твою! – мысленно воскликнул Дантист. – Сам Вася в кубе! Легендарный Чудак!», и спросил вслух:

– А нам, я полагаю, представляться не надо?

Чудак качнул голубой головой и улыбнулся.

– Как будем уходить? – спросил Скиф, глядя в окно. На улице перед воротами посольства собиралась толпа.

– В здании имеется подземный ход, о котором я, – Чудак хохотнул, – совершенно случайно узнал... Прошу за мной.

Они спустились на лифте на третий нижний уровень, и, поблуждав в витиеватом переплетении подземных коридоров (к слову сказать, Чудак прекрасно ориентировался даже при аварийном освещении), через потайной ход, замаскированный под силовой шкаф с нарисованным черепом, перешли в подземный тоннель, уходящий далеко во тьму. Через два с половиной часа они вышли из тоннеля и увидели реку.

За рекой синели горы...

Из донесения резидента ФАЭТ в Джамалтаре директору Федерального Агентства Эффективных Технологий.

Гриф секретности: 0000

«...Выполняя Вашу директиву, моей группой предотвращена расправа боевиков движения «Лиловые чалмы» над бывшим диктатором Джамалтара Басмангалеем. После проведения акции двое членов группы, спецгент Скиф и спецгент Дантист, не вышли на связь. Их поиски взял на себя инспектор ФАЭТ Чудак»

Из донесения инспектора ФАЭТ директору Федерального Агентства Эффективных Технологий.

Гриф секретности: 0000

«Тела спецгентов Скифа и Дантиста мною обнаружены в числе погибших боевиков движения «Лиловые чалмы» и опознаны. В связи со сложной политической ситуацией в Джамалтаре транспортировать груз 200 в Россию не представляется возможным. Я принял решение кремировать тела на месте»

– ...В Джамалтаре, конечно, было весело, – сказал Зинка. – Но и новое задание, уверяю, будет нескудным. Слушай инструктаж...

Зинка объяснял Дантисту, что тому надлежит сделать. Дантист молча кивал, запоминая сказанное, и параллельно планировал свои действия. Новое имя, новая легенда, новая жизнь. Старую жизнь закончить легко – ни определённого места жительства, ни постоянной работы, ни каких-либо связей и привязанностей – одно слово – бомж. Единственное что его отличало от представителя этой социальной группы – постоянный доход в виде ренты от ценных бумаг, оставленных ему в наследство «австралийской тетушкой».

Новое имя ему понравилось: Александр Тихофф (именно так с двумя «Ф» в конце фамилии), магистр медицины из Дюссельдорфа. На фотографии он был в белом кожаном пиджаке, чёрной рубашке в мелкий белый горошек, шейный тёмно-малиновый платок придавал облику некую пижонистость – Дантист уже не помнил, когда он фотографировался в таком клоунском наряде. Это был не его стиль, его любимый цвет – чёрный. И кожа, обязательно кожа, но чёрная. Чёрный кожаный пиджак, чёрные кожаные брюки и чёрная водолазка. Трикотажная. При его высокой худощавой фигуре это выглядело эффектно; глист в корсете, шутя, называли его коллеги. Однако в его картотеке, как и в картотеках любого специального агента, было полно разных фотографий...

Зинка высадил его в центре города, возле входа в метро.

Прежде чем спуститься под землю, Дантист закурил и поглазел по сторонам. Город жил своей обычной жизнью, суетливой и непонятной. Мимо пробегали беспечные и озабоченные, весёлые и грустные, окрылённые удачей и сломленные невзгодами, молодые и старые мужчины и женщины. Все они останутся до самой смерти теми, кем родились, а он, Дантист, сейчас докурит сигарету и спустится в метро, а выйдет из него другим человеком, человеком с новым прошлым и неясным будущим.

Рядом с Дантистом стоял уличный музыкант и играл на саксофоне, играл плохо и без души. По-видимому, сам себя великим музыкантом не мнил. Дантист дослушал эту до конца, достал из бумажника пятидолларовую купюру и отдал мужчине, сказав при этом:

– В ми-бемоле фальшивишь.

Саксофонист улыбнулся и молча кивнул, честно соглашаясь.

Щелчком отправив окурки в урну и, спустившись вниз на несколько ступенек, Дантист обернулся и добавил:

– Да и в фа-диезе тоже...

Глава 3. Зинка

Высадив Дантиста, Зинка сразу поехал в аэропорт. В Москве его ждал Чудак и огромная куча нерешённых вопросов. Ещё не до конца была проработана его собственная легенда. Вояж по городам, где проводили «отпуск» боевые друзья, а теперь ещё и подчинённые, оторвал Зиновия от московских дел на целую неделю. Нужно было не просто встретиться с каждым из них, но ещё и проверить на предмет возможной перевербовки. Зинка верил Скифу и Дантисту, как самому себе, но инструкция гласила, что, если агент находится без наблюдения более двух месяцев, он подлежит всесторонней проверке, и далее по тексту. А ребята провели вне конторы не более двух месяцев, а более двух лет...

Ещё не поднявшись в самолет, Зинка по номеру места, написанного на авиабилете шариковой ручкой, понял, что сидеть придётся в хвосте. Как выяснилось, это было не так уж и плохо. Прямо перед ним расположилась супружеская чета – задумчивого и угнетённого вида мужчина и молодая женщина. Формы её тела говорили о прогрессирующей анорексии, а лицо было довольно миловидным, но не настолько, чтобы глаза худышки имели право не выражать ничего, кроме презрения ко всем окружающим. У супружеской пары имелся ребёнок лет шести с хитрыми маленькими глазками, который оказался отвязным до безобразия, как сказал бы Дантист – безбашенным. Сразу после посадки он стал канючить у мамы с папой, что очень хочет кушать, пить и писать. Родители на его просьбы отреагировали странно: мужчина закрыл печальные глаза и сделал вид, что спит, женщина достала книжку в мягкой обложке и погрузилась в чтение, совершенно не реагируя на нытьё сына. Малец понял, что здесь, как всегда, не обломится, и стал вертеться в кресле, болтать ногами и пинать впереди стоящее кресло.

Вот тут-то Зинка и порадовался, что не ему досталось место впереди малолетнего хулигана, и что позади тоже никто не сидит. Он откинул спинку кресла, насколько позволила задняя переборка, и постарался уснуть.

Это ему удалось, и приснился Зинке короткий сон про детство.

Зимний лес был безмолвным и чёрно-белым. Чёрные сырые и тяжёлые стволы сосен, чёрные родимые пятна берёз, всё остальное – белое. И, вдруг в двуцветное царство сна ворвалось что-то яркое и стремительное. Белка!.. Пробежав по сугробу (её невесомое тельце не проваливалось в рыхлый снег), рыжая зверушка проворно вскарабкалась по стволу сосны и устроилась на ветке. В лапках неизвестно откуда появилась сосновая шишка. Белка грызла шишку и косила взгляд на Зинку.

«Почему она рыжая? – подумал мальчик Зинка. – Почему не стала серой к зиме? Все белки к зиме меняют шубку...»

Белки в Зинкином детстве были совершенно ручными и не боялись человека. Часто они вели себя нагло – забирались на плечо и, жалобно глядя в глаза, попрошайничали. Причем, что попало не ели – только орехи, семечки и сухарики.

Рыжая белка из Зинкиного сна попрошайкой не была, она сама нашла съедобную шишку (не все шишки съедобны) и теперь последовательно и деловито с ней расправлялась.

Зинка подошёл ближе. Белка перестала жевать, внимательно посмотрела на приближающегося мальчика и, размахнувшись, зафинтилила шишку прямо Зинке в лоб.

Зиновий открыл глаза. На коленях лежала конфета чупа-чупс, а поверх спинки переднего кресла на него смотрели такие же круглые, как у приснившейся белки, глаза.

– Ну, и что будем делать? – строго спросил Зинка.

– Дядь, отдай конфетку! – похоже, совесть ребёнка не терзала.

Зинка взял конфету, аккуратно и не торопясь снял фантик, и сунул чупа-чупс в рот. Маленькие глаза пацана ещё больше округлились, он сполз на сидение, но через секунду вихрастая голова выглянула сбоку. Глаза по-прежнему были круглые – мальчик явно не понимал, что происходит. Но реветь не стал. На некоторое время мальчуган затих, видимо, мучительно пытался осознать всю полноту постигшего его несчастья. А Зинка, посасывая чупа-чупс, уже не пытался заснуть, возможно, пацан придумает что-нибудь более радикальное, чем метание конфет. Надо быть начеку.

У Зинки, как и у большинства коллег, не имелось ни жены, ни детей. Каким бы он воспитал сына, если бы он у него был, Зинка не знал, но, во всяком случае, бросаться чупа-чупсами в головы людям он бы ему запретил...

И отец Зиновия, Андрей Иванович, и старший брат Иван были кадровыми офицерами, танкистами. Только Ваня служил не с отцом, а в другой воинской части, под Читой. Мама тоже была военнотружашей – работала хирургом в военном госпитале. А положил начало военной династии Зинкин и Ванин дедушка – дед Иван, он тоже в своё время был танкистом. Иван Александрович Черемных погиб на Кавказе; это случилось давно, ещё в прошлом веке. Скорей всего поэтому Андрей Иванович пошёл по стопам отца... Ну и старший Зинкин брат, который любил деда, но, в отличие от младшего, помнил его довольно хорошо (Кстати, Иван имя получил в честь деда), решил продолжить семейную традицию.

Естественно, и для Зинки иной профессии, нежели профессия военного, не существовало. Собственно говоря, у него даже в глубоком детстве и мыслей-то таких не возникло, чтобы стать космонавтом или, скажем, президентом.

А разведчиком он решил стать в четвертом классе, сразу после того, как посмотрел фильм «Семнадцать мгновений весны».

Всё вышло как-то случайно – ни отец, ни мать, ни кто-то из знакомых взрослых, ни школьные друзья ему этот фильм смотреть не предлагали. Взрослые, наверное, забыли, а сверстники и не знали, что такой фильм есть. Однажды Зиновий болел ангиной, в школу не ходил, скучал немилосердно. От нечего делать решил поиграть в танковый бой – у отца было полно макетов танков и прочей военной техники, он их сам клеил – давно когда-то, в молодости. Полез Зинка на антресоли и чуть не высыпал себе на голову коробку со старыми дисками. Часть дисков всё же рассыпалась. Он собрал их, один чисто машинально сунул в домашний компьютер...

Мальчик смог оторваться от монитора только когда пришла мама с работы, и, приготовив ужин, позвала сына на кухню. Поужинал и снова смотрел кино про Штирлица, пока его в приказном порядке не отправили в постель. А наутро, едва родители ушли на службу, Зинка пулей помчался в отцов кабинет к компьютеру.

Мальчик просто заболел Штирлицем. Он во всем старался быть похожим на своего киношного кумира – всегда ходил прямо, не горбясь, одевался строго и подчеркнито аккуратно, сделал такую же причёску, говорил мягко и спокойно, заканчивая любую фразу знаменитым «нет?». Стал предлагать друзьям диск с «Семнадцатью мгновениями», заразил всех. Но эта «киноэпидемия» у всех очень быстро прошла, а Зинка продолжал «болеть». В школе Зинку прозвали Штирлицем, и Зинке это нравилось. После «Семнадцати мгновений» был «Щит и меч», «Мертвый сезон», «Ошибка резидента» и прочие – всё из папиной фильмотеки. Зинка учился на этих дисках шпионскому мастерству и формировал свои детские представления о том, каким должен быть настоящий разведчик. Он мечтал стать суперагентом, внедрённым в самое логово врага, лихо разрушающим все преступные замыслы.

Его детским мечтам было дано осуществиться, но не сразу.

Случилось несчастье в семье Черемных, а потом ещё одно. Погиб Иван – несчастный случай на учениях. После гибели старшего сына у Андрея Ивановича произошёл инсульт, и

его парализовало. Отец лежал на кровати без движения и ничего не говорил, только слёзы постоянно текли по впалым щекам. Вскоре папа умер.

Похоронили Андрея Ивановича рядом с могилой Ивана. Отец пережил старшего сына на два месяца. На могилах отца и брата Зинка поклялся продолжить семейную традицию, стать танкистом.

Окончив школу, он покинул родной Академгородок, научный пригород Новосибирска, и уехал в Тамбов поступать в танковое военное училище. После окончания училища служил на Дальнем Востоке, потом в Сибири. Служба давалась ему легко, и к двадцати шести годам Зиновий дослужился до капитана. Но занятия, манёвры, учебные стрельбы – всё это очень быстро стало для него каким-то обыденным, пресным. Размеренная, небогатая на события жизнь, тяготила его деятельную натуру, душа просила драйва, а тело – адреналина. Капитан Черемных подал руководству рапорт о переводе его в службу внешней разведки.

Зинку устроила бы любая должность, он не сомневался, что сделает на новом поприще карьеру. Но, собственно, дело было не в карьере – Зиновий Черемных решил двинуться навстречу детской мечте. Ещё через полгода Зинку уволили из регулярной армии и зачислили курсантом в спецшколу, но не в СВР, а в недавно сформированное Федеральное Агентство Эффективных Технологий (сокращенно – ФАЭТ)...

Самолёт стал заходить на посадку. Зинка обратил внимание, что кресло впереди не ходит ходуном, а стоит, не шелохнувшись.

Он приподнялся и заглянул за спинку – пацан спал и всхлипывал во сне. Наверное, ему снилась конфета в яркой блестящей обёртке, которую у него отобрал незнакомый злой дядька.

Глава 4. Совещание «покойников»

В прихожей конспиративной квартиры на крючке для ключей висели четыре медальона – по числу членов утверждённой группы. Из гостиной доносились приглушённые голоса, витал тонкий аромат духов Герцогини и запах только что сваренного кофе. Зиновий взглянул на часы – 18.00, он, как всегда, точен, – вошёл в гостиную, и, широко улыбнувшись, бодрым голосом произнёс:

– Приветствую, господа шпионы!

Непринуждённый разговор тут же оборвался, трое из четверых присутствующих – Дантист, Аристократ и Герцогиня – повернули улыбающиеся лица к вошедшему и чуть ли не в голос поздоровались. Скиф, сидящий в кресле, поставленном чуть поодаль от других, лишь мимолётно взглянул на Зинку и коротко кивнул.

«Облажался, теперь будет картину гнать – демонстрировать всем и вся свою восточную немногословность, невозмутимость и самодостаточность» – внутренне усмехнулся Зинка.

– Смотрю, все в сборе... У всех всё в порядке, или, может быть, у кого-то какие-нибудь проблемы?..

Спецагент по прозвищу Аристократ поднял огромную руку и скорчил гримасу невыносимой боли:

– У меня проблема. Очень серьёзная. Можно сказать, неразрешимая. Вторые сутки идут, – горестно вздохнул он.

– Да ты что! – притворно изумился Зинка, прекрасно понимая, что друг решил перед началом серьёзного разговора немного расслабиться, побалагурить, и тоже включился в игру: – Вот от кого-кого, а от тебя, Аристократ, не ожидал. Ведь ты у нас – парень «Ноу проблем»... И что с тобой случилось?

– Живот болит. Наверное, фиников объелся. Непривычная для моего организма пища. В данный момент со стулом проблема.

– Так ты ж вроде в кресле сидишь, – пошутил Дантист.

– А ещё врач называешься, – шмыгнув носом, заметил Аристократ.

– И что, – спросил Черемных, – ты не знаешь, что с этим делать?

– Терпеть?!.. – Аристократ обиженно посмотрел на Зинку наивными простоквашными глазами, широко расположенными на круглом веснушчатом лице.

– Ну, зачем, чаще всего этот вопрос решается с помощью некоего нехитрого приспособления, напоминающего грушу. Но только напоминающего, есть его нельзя, оно резиновое... А на будущее запомни мой совет: экзотическую пищу нужно потреблять умеренно.

– Для меня теперь, в соответствии с легендой, борщ – сплошная экзотика, – вздохнул Аристократ.

– Страдаешь? – Вопрос Зинки прозвучал сочувственно. Аристократ пожал массивными плечами. – Ничего, привыкнешь. Ты вспомни, как в Джамалтаре тебе пришлось отказаться от любимой свинины. И ведь как-то пережил, привык к баранине. Перестроился организм. И сейчас перестроится.

– Баранина – совсем другое дело. Это ж мясо! – ухмыльнулся Аристократ.

– А мне фруктовая диета только на пользу, – весело подключилась к разговору Герцогиня. – В сочетании со СПА-процедурами и солнечными ваннами – такой, я вам скажу, эффект!.. Всё-таки тропики – это моё. Я там буквально расцветаю.

– Ты и в тундре будешь выглядеть на все сто! – Зинка не скрывая восхищения, окинул взглядом её пропорционально развитую и весьма соблазнительную фигурку.

– Да-да, дорогая, даже там, в заснеженной пустыне, ты будешь цвести и пахнуть. Потому что ты – само совершенство, – вставил щедрый на комплименты Дантист.

Теперь даже Скиф заинтересовался – скосил глаза на Герцогиню, словно до того её не видел.

Лицо, шею, открытые плечи и руки спецагентессы покрывал ровный, приятного бронзового оттенка загар. Чёрные волосы (свои, некрашенные) живописно падали на плечи. На фоне загорелого лица неожиданно ярко горели голубые глаза. В улыбке девушка привычно по-голливудски обнажала белые и ровные, словно созданные для рекламы услуг стоматологической клиники, зубы.

Зинка перевёл взгляд с Герцогини на Дантиста, потом на Аристократа. В очередной раз подумал: «И что она нашла в этом увальне? Как бы замечательно они смотрелись в паре с Дантистом...»

Себя рядом с Герцогиней Зинка почему-то не представлял.

...Герцогиня и Аристократ были вместе много лет (ещё с разведшколы). Сначала их союз вызывал удивление у многих, если не сказать – у всех.

Она – красива, как богиня, сложена, как модель, порывиста, в меру кокетлива. Правда, иногда случалось – не в меру. Шлея под хвост попадёт, или обидится за что-то на своего дружка. Но это по жизни. На задании Герцогиня могла быть любой. Чаще всего исполняла роль стервы (руководство решило, что эта роль – её).

Он – обладатель наипростейшей внешности. Рыхловатый, но только с виду; на деле – грудa тренированных мышц, железным корсетом оплетающих прочный костяк. Флегматичный до безобразия (опять же, не факт). Медлительный в мыслях (конкретный обман) и в движениях (тут уж ничего не поделаешь). Эти качества Аристократ очень умело использовал: часто брякал что-нибудь невпопад, вообще нёс какую-то бредятину, – одним словом производил впечатление туповатого, не отягощённого многими знаниями человека. Оперативный позывной «Аристократ» он получил благодаря ироничному складу ума начальника разведшколы генерала Колчина.

– Я даже думаю, что и в рубище ты всё равно будешь выглядеть, как Герцогиня, – скаламбурил Зинка.

Дантист и Аристократ оценивающе посмотрели на горделиво распрямившую и без того прямую спину девушку, видимо, пытаясь представить её в рубище.

Скиф, который, наверное, решил, что даже один его косой взгляд на героиню разговора – явный перебор, невозмутимо продолжил пить кофе. Казалось, он думал о чём-то вечном, на самом деле – внимательно слушал трёп друзей и одновременно вспоминал тот кин-гири, который получил от Ларки (Лариса – таково «гражданское» имя девушки) при попытке её малость потискать, а может, и запечатлеть на её устах поцелуй. А дальше – по обстоятельствам.

В тот запомнившийся ему день Герцогиня вышла из душа после тренировки в спортзале – расслабленная, с лёгкой загадочной улыбкой на красивых губах. Её волосы – тогда ещё коротко стриженные – торчали во все стороны и в них серебрились капельки воды; гибкое, как у кошки, тренированное тело туго перетянато белым махровым полотенцем. Она шла, глядя под ноги, и улыбалась чему-то своему, но Скиф, вдруг сексуально озаботившийся, счёл её улыбку за готовность к флирту, и, грубо схватив, прижал девушку к стене.

Вообще-то поступок Скифа выглядел глупо (если не дать более радикальное определение) – ведь парень знал о симпатии к Герцогине Генки Волченкова (то бишь Аристократа) и догадывался, что она, эта симпатия, взаимна.

Герцогиня не стала вырываться, она как-то удивлённо подняла брови, превращённые рейсфедером в тонкие дуги, пристально посмотрела в раскосые, пылающие страстью глаза парня, и его железные объятия почему-то в ту же секунду ослабли. Девушка толкнула хама в грудь и резко, без замаха, вlepила ему ступней в пах. При этом узел на полотенце развязался,

и оно – ах!.. упало на пол. Герцогиня не стала изображать конфуза, спокойно подняла полотенце, перекинула через плечо, и, демонстративно виляя красивой попкой, проследовала мимо поверженного Скифа. Но тому уже было не до Ларкиных прелестей – он напрочь утратил весь пыл в связи с темнотой в глазах и острой болью в мошонке.

– Сука! – прохрипел он, вторично утратив контроль над поведением. – Все яйца всмятку...

...Это было не так давно, всего каких-то семь лет, но по меркам их нескучной, насыщенной событиями и риском жизни – давно. Тогда им всем было по двадцать пять, и учились они на первом курсе спецшколы. Все, кроме Зинки; он уже был «стариком» и заканчивал обучение.

Пришли в агентство по-разному.

Генка последовал по стопам отца. Но вначале он был спортсменом, причём занимался одновременно четырьмя видами спорта – дзюдо, боксом, бодибилдингом и плаванием. Генка не искал себя в спорте и не стремился к высшим наградам, он занимался им лишь потому, что ему это нравилось. Кроме того, его недюжинная сила, возрастающая из года в год и из месяца в месяц по ходу формирования молодого организма, требовала какого-то приложения. И он нагружал себя, как мог, перемещаясь из одного спортзала в другой, потом в бассейн, и снова – в спортзал. Но занятия спортом не стали его единственным увлечением. Генка увлекся юриспруденцией и уголовным правом. Достигнув определенных успехов в спорте, Генка с отличием закончил юридический факультет университета и три года отработал в органах внутренних дел следователем.

Сашка Данцов – Дантист – бывший морпех, пришёл в спецшколу ФАЭТ с пятого курса медицинской академии по какому-то специальному предложению. О пролетевшей мимо специальности врача он особо не сожалел – к человеческим страданиям и к людям вообще Сашка относился с пониманием и участием, но достаточно ровно, без фанатизма, посвящать всю жизнь служению на благо физического здоровья граждан он считал слишком большой жертвой. А острый ум молодого человека был предназначен для чего-то другого, нежели заучивание симптомов человеческих болезней и способов их лечения. Его увлечения были разносторонними и неожиданными. Кроме джиу-джитсу и стендовой стрельбы, Сашка увлекался компьютерным программированием, стритрейсингом, научной фантастикой, немецкой философией и... женщинами. Но последнее не являлось маниакальной его особенностью, а получалось само собой – Сашка не был бабником, женщины сами липли к нему. А он только выбирал, благо выбор был большой.

Путь Скифа – прямой и абсолютно логичный: детский дом, срочная служба в ВДВ (участие в боевых операциях), потом пять лет по контракту в армии, и, наконец, ФАЭТ. Скиф всегда был Скифом, начиная с детдома. Своих родителей он никогда не видал, он даже не знал своей национальности, но смуглый цвет кожи и раскосые глаза не оставляли сомнения в азиатском происхождении.

Герцогиня появилась в спецшколе неожиданно – в самый разгар учебного года. О том, что привело её сюда, они узнали намного позже, да и была ли правдой Ларкина версия, уверенности не вызывало. Ларка якобы являлась дочерью высокопоставленных чиновников, погибших в авиакатастрофе. В прежней («гражданской») жизни она была актрисой, закончила «Щуку» и служила в каком-то театре. Актрисой Ларка стала ещё в детстве, снявшись в главной (ну, почти в главной) роли у известного режиссера. Девочкой росла не глупой, но неуравновешенной и избалованной, а после потери родителей и вовсе пустилась, что называется, во все тяжкие. Загуляла, запила (благо имелось на что покупать нормальные алкогольные напитки), стала покуривать травку. В ФАЭТ Ларка попала благодаря родному дядьке, тот имел какое-то отношение к агентству. Как-то раз, едва не сбившись с ног, он разыскал племянницу в каком-то

притоне, и, надавав по мордасам, за ручку привёл в спецшколу. Так что Герцогиня стала шпионкой по блату.

– Ну, что, господа, приступим к обсуждению темы... – Зинка удобно расположился в кресле, придвинул большую глиняную пепельницу, распаковал только что купленную пачку «Мальборо». Герцогиня налила ему маленькую чашечку кофе. Зинка кивнул в знак благодарности.

– Собственно говоря, – продолжил он, сделав маленький глоток ароматного напитка, – Герцогиня и Аристократ многое уже знают. Многое, но не всё. Подготовительную часть работы Герцогиня выполнила втёмную. Не будем подвергать критике методы нашей работы. Они оправданы. Даже я, находясь в теме более двух лет, не уверен, что знаю все нюансы дела... Что касается Аристократа, то он только побывал на месте предстоящей операции... но успел обожраться фиников. Кстати, Аристократ, почему финики? Ну, ананасы, бананы, но финики-то там откуда?

– Финики есть везде, – угрюмо возразил Генка. – Зайди в гастроном – их там, как грязи.

– А свинья везде грязь найдет, – констатировал Зинка.

– Да с твоих ананасов ещё больше крепит!

– Итак, – сказал Зинка, обращаясь к Дантисту и Скифу, – работать будем в юго-восточной Азии, на одном из островов Тихого Океана.

– Стало быть, на родине, – скорее самому себе сказал доселе молчавший Скиф, предполагая присвоенное ему легендой сингапурское гражданство.

– Твоя родина – северная Якутия, – подмигнув другу, заметил Дантист.

– Ты знал! – хмуро взглянул на шутника Скиф и повернулся к Зинке: – Кого будем свергать, кого на престол ставить?

Зиновий улыбнулся, отметив, что Скифу, по-видимому, надоело гнать картину.

– На этот раз никаких силовых акций, – покачал он головой. – Чистая разведка: внедрение, сбор информации, передача в центр. Всё, дальше – дело политиков.

– А что за остров? Конкретно, – спросил Скиф.

– Маленький островок вулканического происхождения, – ответил Зинка. – Входит в состав Илийского архипелага, но Илии не принадлежит. Это – частное владение.

– Мы первые? – снова спросил Скиф.

– Нет. Группа, отправленная туда год назад, прекратила своё существование сразу после первого сеанса передачи информации. Вначале мы даже решили, что это деза, но данные, переданные предшественниками, были подтверждены другим источником. Одно из двух: либо наши прокололись на чём-то – что маловероятно: ребята были очень опытные, либо у нас – крот.

– И поэтому оживили покойников, – фраза, произнесённая Скифом, вопросительного оттенка не имела.

– Да. Наши друзья, – Зинка указал на «сладкую парочку» (Аристократ сидел в кресле, Герцогиня – рядом, на подлокотнике), – тоже в своё время были выведены из штата Конторы в связи с «гибелью», так же, как я, и как вы с Дантистом. О том, что мы все... как бы не совсем мертвы, кроме Чудака знает только два человека на самом верху, поэтому операция проходит по ведомству Василия Васильевича Васильева, и гриф секретности – четыре нуля.

Скиф с Дантистом значительно переглянулись.

– Ну и что же это за дерьмо, в которое мы вляпались? – хмыкнул Дантист.

– Кое-кто занимается кое-какой бякой, а точнее, тем, чем заниматься запрещено всемирным соглашением учёных и трактуется Ватиканом, как дело, неугодное господа Богу: пытаются создать сверхчеловека – ни много, ни мало, – ответил Зиновий. – Разработки ведутся на основе

клонирования человеческого материала с программированием сверхспособностей будущего существа на стадии эмбриона.

– Тыфу ты! – Дантист, сильно удивившись, пожал плечами. – Всего-то?.. А кто этим сейчас не занимается? В наших секретных лабораториях тоже, небось, гомункулусов штампуют, только шум стоит.

– Может быть, штампуют, а может, и нет, – строго взглянул на него Зинка. – Мы сейчас демагогией заниматься не будем, спецгент Дантист. Нам поставлена задача: пресечь действия супостата, и мы должны её выполнить.

Дантист хмыкнул и снова пожал плечами, но язык прикусил.

– И кто этот проект финансирует? – спросил Скиф, чтобы разрядить обстановку. – США? Триада? Инопланетяне?..

– Я бы их даже инопланетянами постеснялся назвать, – вздохнул Зинка. – Установлено стопроцентно – это наши, точнее, бывшие наши граждане.

– Даже так? – удивился Скиф.

– Это к вопросу о наших секретных лабораториях, – вставил Дантист.

– Бывшие наши граждане, – со значением повторил Зинка.

Он встал и подошёл к компьютеру, стоявшему в углу гостиной, рядом с креслом Скифа. Плоский экран монитора вспыхнул почти мгновенно, едва Зинка нажал кнопку запуска. Он поставил диск, вынув из внутреннего кармана пиджака, и на экране появилось лицо, хорошо известное всем присутствующим. Казалось, оно в реале было шире экрана – так стремилось заполнить всё свободное пространство.

– Номер первый, – объявил Зинка. – Савенков Никита Перунович. Последние три года проживает в США. Небезызвестный вам всем олигарх. Нефть, алмазы, вторсырьё. Состояние, выведенное из России через оффшоры, наши эксперты оценивают в сто четырнадцать миллиардов американских долларов. С подробным описанием его бытия «здесь» и «там» ознакомьтесь позже, если заинтересуетесь... Номер второй. – На экране появилось незнакомое лицо; мужчина вальяжного вида с проседью в безупречной причёске носил очки с дымчатыми стёклами и бородку эспаньолку. – Зильберштейн Игорь Шлемович. Проживает в Израиле, но часть года, обычно зимой, в швейцарских Альпах, вблизи Давоса. Тоже небедный господин – бывший чиновник из системы Росвооружения. Состояние, по сравнению с состоянием Савенкова, немного скромнее, всего-навсего около двадцати трех миллиардов евро. И, наконец, номер третий – Марьянов Николай Николаевич. – На экране появилась одутловатая физиономия с хитрыми прищуренными глазами, принадлежащая одному из бывших премьеров. – Этот... господин в представлении также не нуждается. Размер состояния точно неизвестен, но кое-кто из финансовых аналитиков полагает, что цифра колеблется от ста до ста десяти миллиардов евро. Проживает, в основном, в туманном Альбионе. Вся троица – государственные преступники по законам России. Требование на их выдачу и депортацию неоднократно заявлялось нашим правительством, но, как понимаете, безрезультатно. Все эти лица являются гражданами Джамалтара, а с этим государством, после второго басмангалеевского путча, у нас нет дипломатических отношений.

Нависло тягостное молчание. Все, находящиеся в комнате, очень хорошо представляли себе, что такое Джамалтар.

Дантист поскрёб щетинистую щеку и почему-то подумал, что бороду придётся сбрить. А Скиф вспомнил изъеденное оспинами и исполосованное морщинами и шрамами бусое, как выгоревший на солнце кирзовый сапог, лицо Басмангалей, и во рту у него сразу появилось много слюны. Захотелось сплюнуть. Он уже хотел было встать и прогуляться до санузла, но тут Зинка нарушил молчание.

– Басмангалей оказался незаурядным политиком и хорошим коммерсантом, – сказал он. – Неплохая сделка, я считаю. Предоставил гражданство трём преступникам, тем самым

организовав им неприкосновенность, а они, в качестве расчёта за услугу, создают ему на свои средства спецвойска из клонированных боевиков. В случае успеха, он – обладатель первой в мире армии нового типа. И эта армия, я думаю, долго бездействовать не будет. В случае неудачи Басмангалей ничего не теряет.

– А что по этому поводу думает самое демократическое государство, да и вообще, мировая общественность? – мягко спросил Дантист.

– Они не в курсе, – усмехнулся Зинка. – Вернее, делают вид, что ничего не знают. Проблемы вроде как не существует. Все попытки наших дипломатов поднять эту тему разбиваются о стену тупого молчания и абсолютного нежелания вступать в диалог. Президенты тоже друг с другом никак договориться не могут... Короче, нужен скандал, чтобы что-нибудь стронуть с мёртвой точки. А потому наша цель – собрать факты, чтобы этот скандал учинить... Итак: работаем по их базе в юго-восточной Азии; связь «Басмангалей – Штольц – наша троица» отрабатывают в Джамалтаре, в Штатах и в Европе другие группы...

– Штольц? – переспросил Скиф. – А это что ещё за птица?

– Прошу прощения, забежал вперёд... – Зинка поменял диск в компьютере. Теперь на экране появилось незнакомое лицо – бледное, едва ли не зеленоватое, болезненно худощавое. Ввалившиеся щёки с двумя глубокими вертикальными морщинами, начинающимися от сухих крыльев тонкого хищного носа. Высокий лоб. Жидковатые, наполовину седые волосы зачесаны назад. Тонкая, как бритвенный порез, линия рта – губ практически не заметно, такие они бескровные и тонкие. Хрящеватые остроконечные уши плотно прижаты к черепу. Тёмные глаза – на фотографии не разобрать, какого цвета – внимательно, но несколько раздражённо смотрят прямо в объектив камеры. Человек сидит за рулём автомобиля. Кисти рук с длинными пальцами (их длине мог бы позавидовать даже Дантист) покоятся на руле, но создаётся впечатление, что в любую секунду они могут сорваться с руля и улететь в окно, словно птицы.

«Явно в пробке торчит, бедолага, – подумал Дантист, и, как недоучившийся студент-медик, предположил общо: – Болеет, наверное, серьёзно»

– Ну и рожа! – поделился впечатлениями Скиф. – Аж зелёный весь. Прямо змёй подкожный, да и только.

Зинка посмотрел на него удивлённо, покачал головой:

– Зришь в корень, спецгент Скиф! Предварительное название операции – «Змий». Правда не «Змей», но почти угадал... Прошу любить и жаловать, впрочем, и то и другое не обязательно, просто знакомьтесь: Иоганн Штольц – шеф проекта и доверенное лицо Басмангалей. Профессор медицины. В конце прошлого века преподавал генетику и прикладную генную инженерию в Йельском университете. В университетской лаборатории проводил научные изыскания в области генома человека. Издал четыре серьёзных монографии по этой теме. В профессорской среде отличался радикальными взглядами и суждениями в вопросе правомерности опытов по клонированию млекопитающих. Консультировал несколько успешно развивающихся сельскохозяйственных фирм, специализирующихся на животноводстве, по вопросам генной инженерии. А потом разразился скандал. Небезызвестная вам медицинская корпорация – (об этом скандале много писали), – где, как оказалось, Штольц тоже числился консультантом, была уличена в опытах по клонированию человека. Скандал, как водится, закончился ничем, и все события были отнесены в разряд мистификаций. Именно тогда Штольц попал в поле зрения конторы. Затем неожиданно, в самый разгар танийской войны, появился в южной Африке. Организовал в Тании военный госпиталь, но вместо врачевания стал разводить какую-то бактериологическую дрянь. В результате экспериментов десятки тысяч аборигенов стали калеками, более пяти тысяч погибли. Количество пострадавших от рук доктора Штольца было сопоставимо с количеством погибших на фронтах. Всё тогда списали на всплеск лихорадки невыясненной этиологии, возникшей в результате применения обеими сторонами оружия массового поражения. Там, в Тании, Штольц и познакомился с Басмангалеем, который в те вре-

мена может, уже мечтал, но ещё не был диктатором. Он недавно получил военное образование, и, в качестве стажировки воевал везде, где придётся. Из Тании Штольц перекочевал...

– В Джамалтар! – не утерпев, высказал предположение Аристократ.

Зинка посмотрел на него осуждающе.

– Ты почти угадал, – сказал он. – В Джамалтаре Штольц тоже побывал, но, несколько позже. Из Тании Штольц перекочевал на Илийские острова.

– Хрен редьки не слаще, – изрёк Скиф.

– Ничуть не слаще, – согласился Зинка. – В Джамалтаре правит диктатор и самодур генерал Басмангалей, в Илии – диктатор и каннибал принц Гуарам. Джамалтар – закрытое мусульманское государство, Илия – закрытое языческое. Басмангалей и Гуарам – два сапога пара. Илия – единственное государство, которое признало режим Басмангалей законным. В Илии Штольц пробыл два с половиной года. По непроверенным данным, занимался там клонированием и достиг определённых результатов.

После первого басмангалеевского путча Штольц объявился в Джамалтаре. Крутился возле Басмангалей, был у него кем-то вроде эксперта по вопросам оружия массового поражения. Кроме того, Штольц выполнял в Джамалтаре ещё одну миссию. Он был эмиссаром принца Гуарама, и главной целью являлось объединение двух государств в их войне против всего мира. Видимо, тогда Басмангалей и было предложено принять участие в программе создания сверхчеловека.

– База Штольца, наверняка есть и в Джамалтаре, – высказал предположение Скиф. – Кто-то из наших там работает?

– Такой базы в Джамалтаре нет, – ответил Зинка. – Наш резидент сообщает, что Штольц довольно часто гостит у диктатора, но базы там точно нет, во всяком случае – на данный момент. Наши ребята всё в Джамалтаре перерыли.

– Что-то мне не верится, – заупрямился Скиф. – Может, плохо искали?

– А где там искать? Весь Джамалтар с севера на юг можно проехать за один день, да с запада на восток, – Зинка нарисовал в воздухе крест, – за полтора. Кроме этого прикинь количество наших информаторов среди местного населения...

Скиф пожал плечами: сомнения в том, что Басмангалей не решился организовать конвейер по изготовлению новых сверхотважных, остались.

– Трудно будет привязать диктатора ко всей этой истории с клонированием, – сказал он, поразмыслив.

– Я повторюсь: связи Басмангалей с троицей и со Штольцем отрабатываются.

– Всё это косвенные улики, – проворчал бывший следок Аристократ.

– Даже из косвенных улик можно заварить крутую кашу. У наших политиков руки давно чешутся, – сказал Зинка, и, заметив, что Дантист порывается сказать что-то (скорей всего, по поводу политиков), резко сменил тему. – Итак, продолжим.

Зинка щёлкнул «Enter», и появились другие фотографии Штольца. На одной из фотографий Штольц шёл по мощёной, явно немецкой, улочке, под ручку... с Герцогиней. За их спиной возвышалась остроконечная крыша лютеранской кирхи.

Дантист посмотрел на Аристократа. Тот невозмутимо глядел на монитор.

Когда-то давно, ещё на заре их шпионской деятельности, Сашка Донцов спрашивал у Генки Волченкова, как тот относится к некоторым заданиям Ларки, которые напрямую предполагали интимную связь с объектом. Генка пожал плечами и спокойно ответил: «У каждого своя работа. – И добавил: – и жизнь у каждого своя». Это прозвучало очень убедительно и очень как-то по-философски. «Молодец!», – подумал тогда Сашка.

«Какие же мы всё-таки уроды!» – подумал сейчас Дантист.

– Герцогиню подвели к Штольцу прошлой осенью в Берлине. Очень аккуратно и профессионально. Это наш первый серьёзный успех. Герцогиня на большом доверии у Штольца.

Теперь её имя Лора Вибе, работает на Штольца и занимается, вы не поверите, подбором кадров. Первым она «завербовала» Аристократа, ныне Зигфрида Вульфа, менеджера коммерческой фирмы из Гамбурга. У Штольца будет «работать» по части снабжения продуктами, оборудованием и прочим необходимым для жизни и работы на острове. Проверка легенды прошла блестяще. Всё-таки Чудак – ас по созданию и обеспечению легенд.

– С Зигфридом всё понятно, – сказал Скиф, покосившись на Аристократа. – А мы с Дантистом кто? Я имею в виду, в качестве кого на Змия вкалывать станем?

– Ты – инструктор по боевым искусствам. Будешь обучать клонированных боевиков откручивать головы обычным солдатам. А вот Дантисту выпала главная партия. – Зинка в упор посмотрел на Дантиста. – Будешь ассистентом у Штольца.

– Я?!

– Ну, не я же. Если мне память не изменяет, ты среди нас один медик.

– Так я же недоучившийся.

– Доучись. Нам не завтра в поход, у нас есть целых две недели времени, обучающие программы и совершенные методики. Пока вы отдыхали, наши спецы работали.

– И в чём я буду ему ассистировать?

– Будешь помогать Штольцу выращивать этих... бройлеров.

– Тогда мне нужно спецпрограмму по птицеводство освоить, – насмешливо возразил Дантист.

– Знания лишними не бывают, – кокетливо заметила Герцогиня.

– Так... Мы с Дантистом, стало быть, тоже пристроены, – констатировал Скиф. – Теперь остался ты, о Великий! Какую должность займёшь при штабе Штольца?

– Вакансий больше нет. На мне – общее руководство операцией, координация ваших действий и связь с Чудаком. Буду прохладиться на соседнем острове. – Зинка тяжело вздохнул. – Не радуйтесь, видаться будем часто. Остров, не имеющий названия, на котором вам предстоит работать, почти полностью лишён флоры и фауны. Там даже пресной воды, пригодной для питья, нет, всё надо завозить. Естественно я, в основном, буду контактировать с Аристократом, но он изредка будет выезжать на материк, и в его отсутствие кто-то из вас будет приезжать ко мне в гости. В смысле – за провиантом. Штат у Штольца небольшой.

– Кстати о штате! – случайно срифмовал Дантист. – Как-то непонятно... Они ведь не первый год делают чёрное дело. У них что, специалистов раньше не было?

– Были, но сплыли, причём в прямом, а не в переносном смысле. Несчастный случай.

– А не наши ли коллеги его организовали? – хохотнув, спросил Скиф.

– Нет. Там расстаралась природа. Цунами. Такую волну наши ребята не смогли бы поднять при всём желании.

– Так там ещё и опасно?! – притворно испугался Дантист.

– На самом острове не опасно, – Зинка не принял шутку Дантиста. – Остров скалистый и довольно высоко сидит над уровнем океана. Погибла группа из шести человек, которые в это время находились на другом острове.

– Из шести?.. А нас только четверо, если тебя не принимать в расчёт. Кто остальные?

– Обслуга. Рулевой катера и два матроса... – Зинка закурил ещё одну сигарету, откинулся на спинку кресла, и, прищурившись, посмотрел на свою группу. – Если вопросов больше нет, тогда за дело, господа шпионы. Вас ждут великие дела!

Глава 5. «Соотечественники»

К жаре Дантист относился неплохо, по его же словам – гораздо лучше, чем к холоду. За неделю вынужденного безделья он успел хорошо и красиво загореть, его шевелюра выгорела, и, потеряв благородный пепельный оттенок, стала похожа на сноп соломы в миниатюре. Целыми днями молодой человек валялся на лежаке, абсолютно пренебрегая не только пляжным зонтом, но и панамой и солнцезащитными очками. Он с каким-то мазохистским удовлетворением вытапливал из своего тела немногие граммы лишнего веса, волей-неволей накопившегося за период затянувшегося ничегонеделанья.

Основательно прожарив на солнцепёке кости, Дантист поднимался с лежака и медленно брёл за ограду, разделяющую пляж и парковую зону отеля, к душевым кабинам (тёплая до неприличия вода Индийского океана не охлаждала). Он долго стоял под холодными упругими струями, пока не замерзал, потом снова возвращался к лежаку. Дантист ни о чём не думал, ничего и никого не вспоминал, его мозг и его тело просто отдыхали.

Когда наступал вечер, и солнце уже было готово окунуться в волны Андаманского моря, лёгкий морской бриз напоминал ему, что, кроме стакана апельсинового сока и двух бананов, у него с утра ничего не было во рту. Тогда он вставал и отправлялся обедать (или ужинать?). Пренебрегая Зинкиными рекомендациями, съедал несколько порций местных экзотических блюд, выпивал большой бокал пива и уходил в номер, чтобы заснуть сном праведника.

После трёх с половиной недель интенсивных занятий, вместо планируемых двух, подобная релаксация была ему просто необходима.

Сегодня должна состояться встреча со Штольцем (об этом ему вчера сообщила Герцогиня), поэтому с пляжа Дантист ушёл немного раньше. Он заранее продумал тот образ, в котором должен предстать перед работодателем. С точки зрения небогатого, но тяготеющего к комфорту молодого человека, прибывшего сюда, в Кантанг, из прохладной Европы, да к тому же получившего аванс, его наряд должен быть примерно таким: широкие фланелевые белые шорты и цветастая рубашка, купленные в местном дорогом бутике. Шлепанцы должны быть из ротанга, ни в коем случае не пластиковые, шейный платок – обязательно.

Александр Тихофф сидел за столиком на открытой площадке ресторана «Большой трепанг», вытянув длинные ноги, потягивал сильно разбавленный кока-колой виски и с эдакой ностальгически-грустной улыбкой наблюдал, как раскалённый докрасна, но уже остывающий диск солнца осторожно опускается в океан.

– Немцы любят загар, не так ли? – английский Штольца был безупречен.

Дантист заставил себя вздрогнуть от неожиданности и поднял голову. Глаза у Штольца оказались просто чёрными: какой-либо границы между зрачком и радужкой практически не было. Вопрос или утверждение Штольца прозвучал как пароль. Дантист изобразил некоторую растерянность и проямлил по-английски с весьма выраженным немецким акцентом:

– Простите... Вы не могли бы повторить, что сказали?

Штолец усмехнулся и по-хозяйски расположился напротив Дантиста. Александр Тихофф покорно поджал ноги. Штолец внимательно осмотрел его наряд, и, видимо, остался доволен. Дантист мысленно себя поздравил и широко раскрыл глаза, ожидая продолжения разговора. Штолец прекратил игру в кошки-мышки и продолжил по-немецки:

– Парадокс. Белый человек, если он, конечно, нормален, гордится тем, что он белый, а не цветной. Тем не менее, попав на курорт, к южному солнцу, он тут же старается изменить естественный цвет кожи. И как это ни удивительно мы, немцы – нация, не лишённая здорового расизма, – очень подвержены этому, я бы сказал, пороку. Вы не находите?..

– Пожалуй, вы правы, – улыбнулся Дантист и спросил: – А как вы догадались, что я немец?

Вопрос прозвучал наивно – акцент, изображённый Дантистом (спецагент тщательно шлифовал его во время экспресс-подготовки), не позволял усомниться в его происхождении. Штольц усмехнулся одними уголками губ и с пафосом произнёс:

– Соотечественника узнаешь в любом месте.

– Да-да, вы правы... Доктор Иоганн Штольц? – Дантист решил, что дальнейшая игра в простачка будет выглядеть глупо, а главное – подозрительно.

– Конечно, – кивнул Штольц. – А вы – Александр Тихофф... – он не спрашивал, утверждал. – У вас русские корни?

Дантист пожал плечами.

– Возможно. Я никогда не копался в прошлом своей семьи. Меня всегда гораздо сильнее волновало моё собственное будущее.

Штольц улыбнулся, оценив честлюбивый ответ молодого человека.

– Вас устраивает аванс и размер предложенного Вам фрейлейн Вибе гонорара?

Дантист изобразил лёгкую заминку и ответил:

– О, да, несомненно.

– Он может быть удвоен, если Вы устроите меня как специалист и как человек, способный хранить тайну и выполнять поручения в любом случае, даже если эти поручения на первый взгляд могут показаться несколько, скажем так, необычными.

Хорошо скрытое, но так, чтобы было заметно, удовлетворение, появилось на лице Дантиста. Ему даже удалось чуть-чуть покраснеть. Штольц внимательно смотрел на Дантиста; тот выждал положенные этикетом мгновения и стал отвечать:

– К работе я отношусь максимально серьёзно и готов выполнять различные поручения, касающиеся оговорённых обязанностей. Необычные?.. Вы знаете, герр Штольц, за последние десять лет в моей жизни необычного случилось гораздо больше, чем традиционно простого...

Здесь Дантист не соврал ни слова. Он был абсолютно искренен – разве работу спецагента ФАЭТ можно отнести к категории обычных? Да и Чудак постарался: в биографию Дантиста он включил один криминальный эпизод, который никак не мог пройти мимо внимания Штольца и не заинтересовать его. По легенде, одним из мест работы Александра Тихофф была медицинская фирма, изготавливающая препараты для обучения студентов немецких медицинских ВУЗов. Сырьём для препаратов были трупы, которые с превеликим удовольствием поставляли некоторые организации из стран третьего мира. Александр Тихофф не занимался коммерческой стороной вопроса, но был хорошо осведомлен, откуда и каким образом в его лабораторию поступает сырьё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.